

Евгения Долгинова

Замороженный конгресс

Лексикон против автомата

I.

В жизни каждого большого города, а в особенности столиц, должен быть одиозный, даже кощунственный, большой архитектурный проект - и долгая, страстная, упоительная борьба горожан против одного. Чаще всего она вполне бессмысленна, но сама по себе прекрасна. Культурно-экологическая тематика в протестном движении - в большой моде. В Москве будоражил умы церетелиевский Петр, в Петербурге - проект новой Мариинки и газпромовская «кукуруза», а в Ижевске, столице Удмуртской республики и родине автомата Калашникова, - проект 120-метрового конгресс-центра «Калашников».

Посреди Ижевского пруда - главного городского водоема - намеревались насыпать остров, перекинуть с набережной мост (буквально по Манилову: «через пруд выстроить каменный мост») и возвести на острове 120-метровой высоты хайтековскую хреновину - три здания в символике АК-47: гостиница, офисы, торговые центры. Приклад - въезд, шахта лифта - ствол, сам лифт - пуля. Остроумно, грубовато, современно, патристично, респектабельно, брендово, наконец!

Мегапроект стоимостью в 6,5 миллиарда рублей (из них 6 миллиардов внебюджетных) возник, как считают горожане, с тяжелой руки высокого гостя - Германа Грефа, разочарованного бестолковостью и безликостью городской архитектуры (бывший при заводской поселок Ижевск действительно не обладает ансамблем даже в исторической части) - и посоветовавшего ижевским властям обратиться к молодому петербургскому архитектору Михайлову, в архитектурное бюро с футурологическим названием «32 декабря». Сказано - сделано: Михайлов разработал план реконструкции набережной и в одночасье стал ижевским церетелием. Заказчиком выступили администрация Ижевска и

бизнес-сообщество. Макет провезли по Европе, представляли на бизнес-форумах. А осенью - как положено - вылезла городская общественность и заголосила: «Долой!»

Но если бы просто «долой», «не пущать», «встанем грудью». Но если бы просто пикеты и митинги - кого этим можно удивить: Ижевск - город с очень высоким индексом организованной протестной активности, здесь чуть ли не ежедневно «кто-то о новой свободе на площадях говорит», и смутьяны с микрофонами - органическая часть городского ландшафта, против точечной застройки сколько раз шумели, неужто сейчас промолчат. Но если бы просто дежурные («проплаченные конкурентами») зеленые или историки-ретрограды, - но движение «Общественная экспертиза» предложило власти совсем другой язык и совсем другую логику.

Такую логику, к которой просто нельзя было не прислушаться.

22 февраля президент Удмуртской республики А. Волков объявил о замораживании проекта на неопределенный срок. Потому что «народ еще не готов», сказал он.

Прямо так и сказал.

II.

Мне хотелось бы написать духоподъемную историю о редком торжестве гражданского общества над градостроительным волюнтаризмом, о том, как горожане уважать себя заставили и обрушили большие бизнесы, - а иначе зачем ликует заголовок на домодельном сайте «Общественной экспертизы»: «Интеллигенция отстояла честь и достоинство города оружейников!» (правда, с оговоркой «Расслабляться рано» - проект заморожен, но не закрыт). Но история получается о чем-то другом: ключевое слово в ней не «победа», а «интеллигенция». Это сюжет противостояния двух сословий - бюджетной (вузовской, музейной, научно-технической) интеллигенции и республиканской номенклатуры - противостояния прежде всего этического и стилистического и, казалось бы, изначально обреченного. Первые наивно и патетично апеллируют к переживаниям, которых просто нет, не должно быть в тезаурусе вторых, не вникают - и не собираются вникать в генеральную - экономическую - логику, устраивают вполне идиотские хеппинги (например, запускают 120-метровую связку воздушных шаров, чтобы показать, что башни-автоматы будут выше главного в городе Михайловского собора, что, по их мнению, должно оскорбить чувства верующих), проводят общественные дебаты, пишут статьи и письма - собственно, что еще они могут? Ни административных рычагов, ни связей в сферах влияния у них - спецов с 8-10-тысячными зарплатами - нет, и против шестимиллиардного лома нет приема - только пространство говорения, только вербальные практики.

Вторые притворяются, что слушают, но уже не делают вид, что понимают.

«Родина - это понятие не территориально-географическое, но трансцендентное, оно требует особых чувств и переживаний, т. е. практически религиозного опыта. Трансцендентное суждение не может проверяться в опыте, напротив, любой опыт делается возможным при условии предварительно принятых трансценденций. Трансценденции не рациональны, они не доказываются и не опровергаются». Это не культурологический

семинар, а материалы совещания архитекторов Ижевска и «Общественной экспертизы». Это, извините, из того пакета аргументации, который предъявлен руководству республики, не отягощенному, по всему судя, тонкими культурными рефлексиями.

Оппозиционные газетчики с удовольствием цитируют президента Волкова - он щедр на афоризмы то черномырдинского, то лукашенковского розлива. Например, недавно выдал на совещании в Минобразе: «Наука развивается не благодаря работам и монографиям. Надо заниматься наукой, как мы. Если что-то выпустили, надо внедрить и получить привесы и надои». Или: «Среди вас наверняка есть пенсионеры, которые могут поддаться старому и проголосовать не за того кандидата, - надо серьезно поработать с этими слабонервными». На встрече с учителями получил записку: «Почему я должна заниматься выборами?» - и гневно заявил, что таких учителей у нас «не должно быть и не будет!» Ну вот какой тут гражданский диалог - мыслимо ли? Мегаломания свойственна ему еще и как профессиональному строителю: в Ижевске построен крупнейший в Европе цирк, сейчас на месте любимого горожанами парка Кирова строится зоопарк - уникальные деревья вырубili, а одна только кирпичная ограда, как говорят, уже обошлась в двести миллионов рублей! А почему ширина набережной 20 метров? - потому что президент Волков измерил шагами набережную в Ницце - по его подсчетам вышло 15 метров, для Ижевска прибавил еще пять (догнать и переплюнуть Ниццу - святое дело). Собственно, строительный раж - это и есть главная специфика Волкова

И вот интеллигенты выходят против всех этих привесов с надоями - с трансценденциями наперевес.

Смешно? Щемяще? Трогательно?

Оказалось - не смешно.

А где-то даже и эффективно.

III.

С инициатором и организатором протестного движения Пахомовым мы приехали в Ижевск в один день; знать бы раньше - увиделись бы в Москве: буквально в одном квартале от моего дома он принимал участие в торжественном открытии памятника Лайке, первому живому существу в космосе (она, бедная, обделена исторической славой, а ведь взлетела за два с половиной года до Белки и Стрелки). Этот монумент - символ космической медицины и вторая космическая собачка Пахомова. Первую - памятник Звездочке - он установил три года назад в Ижевске, на месте бывшей посадочной полосы, где собачка приземлилась в 1961 году, - ныне там жилой квартал. Пахомов проводит экскурсии и жалеет, что недавно вандалы отодрали с памятника табличку со шрифтом Брайля, теперь слепые не могут прочитать о подвиге Звездочки.

Сергей Пахомов - выпускник Физтеха, кандидат физматнаук, приехал в Ижевск двадцать два года назад - на излете советской власти, работать в создаваемом тогда научном центре академика Кудинова. Из науки ушел, открыл малое предприятие по производству телефильмов, но остался человеком яркого общественного темперамента: работает на

местном телевидении, ведет передачи на местном «Эхе Москвы» (уточняет: бесплатно). Член Союза журналистов, жена - библиотекарь, живут скромно. Скоро пятьдесят, а своя квартира появилась года два назад - до этого жили в общежитии.

Провинциальный пассионарий-общественник зачастую комичен, носит охранную грамоту городского сумасшедшего, говорит лозунгами и поэмами. Разумеется, я - тем более после всех «трансценденций» - ожидала увидеть классическую демшизу со звездой во лбу. Но увидела человека спокойного, ясно и трезво мыслящего, уверенного, твердого и убедительного в высказываниях, с дикторски поставленным голосом, перекрывающим все городские шумы.

- Ну все-таки, - доматываюсь я, - почему это так уж неприемлемо? Экологические соображения - понятно, культурно-охранительные... Но ведь инвестиции, рабочие места, определенная прагматика развития...

Пахомов смотрит на меня с сожалением.

- Потому что это безнравственно, - весомо говорит он.

И я понимаю, что «безнравственность» - это как раз самый прагматический аргумент. А вот «инвестиции», наоборот, - самая что ни на есть административная лирика.

IV.

Ижевский пруд и есть Ижевск; с 1760 года, со строительства плотины на мелкой речке Иж для железоделательного завода отсчитывают историю города. Это единственная «большая вода» и единственный питьевой водоем в городе; по словам главного конструктора «Удмуртгражданпроекта» Сергея Спиридонова, отсюда забирают примерно три четверти всей воды для нужд города, остальное качают из Камы, что в 35 километрах от Ижевска. Вода давно и обильно цветет, количество вредных веществ в ней превышает все мыслимые нормы, при мэрии создан даже специальный Попечительский совет по восстановлению Ижевского пруда - но воз и ныне там. Убьет ли пруд строительство искусственного острова? Если сделать с умом, то не обязательно, говорят специалисты, но кто же поверит в экологический трепет строителей?

Но угроза загрязнения источника питьевой воды - это какой-то двадцатый аргумент «Общественной экспертизы». Главные же обвинения против проекта «Калашников» предъявляются в трех аспектах: «этико-символическом», «архитектурно-градостроительном» и аспекте «безопасности». Оружие - символ устрашения и смерти, автомат Калашникова не только служит родине, но и используется международными силами зла (о применении АК-47 неонацистами в США в наше время см., например, повесть Элмора Леонарда «Огонь в норе»). Кроме того, применение этого образа «является фетишизмом». Это конфессионально двусмысленно. Это оскорбляет представителей коренной национальности. Это подменяет «духовность» «религиозностью», но вместе с тем, возвышаясь над храмами, оскорбляет религиозные чувства верующих. Это оскорбляет честных тружеников Ижмаша, Мотозавода, Электромеха, которые будут вынуждены смотреть на праздных гостей удмуртской столицы. Это символ нечистоплотности. Это

оскорбляет всю неоружейную промышленность Ижевска («Если бы в Ижевске производили лучшую в мире сантехнику, неужели бы мы построили здание в форме унитаза?»). Это кич. Это метафора борьбы с природой и «заведомое принижение возвышаемого». Это экономически нецелесообразно, потому что гостям не понравится смотреть на грязную воду и дымящиеся трубы, а значит, проект передадут в бюджет города. И наконец: агрессивность проекта будет инициировать психические заболевания у жителей города. Также даны словарные определения понятий «идол», «антропоморфизм», «духовность», «фетиш» и «бренд».

(Честно говоря, я бы сломалась уже на «неофашистах США», - но дочитала до психических заболеваний. И тяжело задумалась. Оскорбляет ли мои этические, социальные, конфессиональные чувства башня «Федерация»? Попадут ли в психушку москвичи и гости столицы, лицезреющие нефтегазовые небоскребы? Каковы смыслодержателе направляющие в унитазе?)

Но, может быть, думаю я, это и есть технология: абсурдизация «объекта», наращивание критической массы контраргументов - не менее абсурдных, чем сам проект, не менее вызывающих. И что должна была почувствовать власть, на которую обрушились, как кислотный дождь, фетиши с трансценденциями и «заведомое принижение возвышаемого»: плюнуть в раздражении на очередное интеллигентское «бла-бла-бла» или испытать мистический ужас перед терминологической агрессией, перед этими темными блаженными речениями ижевских интеллектуалов, перед этим совершенно прагматичным гражданским юродствованием?

Спросить бы, да не признается.

V.

- Что будет дальше с «Общественной экспертизой»? - спрашиваю у Пахомова.

Пожимает плечами:

- Ничего. Мы сделали свое дело и спокойно разойдемся.

- Вы все-таки уверены, что это вы остановили проект, а не власть столкнулась с непреодолимыми проблемами? Недостало инвесторов, например... «Калашников» и в самом деле - сомнительной привлекательности.

- Конечно, не уверен, - честно говорит он. - Но проект остановлен, и еще пять-десять лет, как нам говорят, разговора о нем не будет.

- То есть никакой структуры нет?

- Структуры нет, - говорит Пахомов.

Это тоже специфика ижевского протеста: не дело подбирается под организацию, но люди собираются для дела. Кстати, по этому же принципу действует и Координационный совет гражданских действий - организатор многих протестных акций в городе. Сергей Щукин, издатель оппозиционной газеты «День», рассказывает, что в протестных мероприятиях

принимало участие, в разное время, примерно 50-60 тысяч человек. Те же - собираются не в организацию, а каждый раз - по ситуации. Тематика протеста - подчеркнуто социальная, не политическая; Ижевск - город, где на митинги запросто приходят по несколько тысяч человек. Началось это движение в 2005 году, на волне отмены льгот, когда свежемонетизированных пенсионеров стали просто выкидывать из автобусов, и сейчас всякая «антинародная инициатива» правительства выводит горожан на площади. Эти митинги иногда имеют результат: например, недавно, после интенсивных волнений, власти республики отменили решение о многократном повышении платы за землю под гаражами.

...Елена Михайловна Калашникова - дочь легендарного конструктора и председатель Фонда Калашникова, один из активных участников «Общественной экспертизы» - тоже не уверена в том, что проект остановили исключительно из-за выступлений общественности. Резонанс был не таким уж и большим, говорит она, многие горожане просто не знали о проекте - иногда даже те специалисты, кто по роду деятельности интересуется перспективами ижевской застройки. А и откуда знать, если на широкое обсуждение (на чем, собственно, и настаивала «Экспертиза») проект не выносился, а информационные ресурсы, поддерживавшие движение, - оппозиционный еженедельник «День» и сайт, - явно не самые широкие информационные каналы. Елена Михайловна взволнованно рассказывает о нищете удмуртских интернатов и детских домов, где ей случается бывать, о сложном положении ветеранов-оружейников, которым попечительствует ее Фонд, о недостатке парков и скверов, об общем неуюте и неухоженности любимого города - и сильно сомневается, что на этом фоне «Калашников» пришелся бы по вкусу VIP-гостям. «Я часто принимаю иностранцев, вижу, как они умеют считать деньги, - и чтобы они платили втридорога за вид на заводские трубы? - да ни за что. Чтобы сюда поехали люди, надо обустраивать сам город, а не строить этот кич на острове».

Я думаю, что власть может искренне и в полном праве возразить: мы обустраиваем город. Мы строим! Мы создаем! Посмотрите окрест! И в самом деле, как не посмотреть: в бывшем парке Кирова, будущем зоопарке, лежат по периметру срубленные, выкорчеванные деревья, - и каждый, с кем я говорила в Ижевске, спрашивал возмущенно: «Видели? Нет, вы сосны наши убитые - видели?»

Но если городская интеллигенция возьмется еще и за этот мегазоопарк?

Страшно подумать, сколько новых слов узнает правительство.